

18 Елена Борисова

**Я УЖЕ СКАЗАЛА
НЕТ**

Елена Викторовна Борисова

Я уже сказала «нет»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48896275

ISBN 9785005094223

Аннотация

Альтернативная реальность... Мир, в котором существуют Империи и, в отличие от нашего: остались крупницы волшебства, всё ещё рождаются настоящие маги и можно изредка встретить заряженные магией артефакты... Главная героиня – девушка Маргарет – не пытается преобразовать этот Мир, она – просто живет и борется за свою любовь и счастье. А это – в любом из миров – очень не просто...

Содержание

Аннотация	6
ПРОЛОГ	7
Глава 1	11
Глава 2	20
Глава 3	46
Глава 4	58
Глава 5	71
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Я уже сказала «нет»

Елена Викторовна
Борисова

© Елена Викторовна Борисова, 2021

ISBN 978-5-0050-9422-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нет. Я больше не заплачу. КЛЯНУСЬ!

Ну почему, этот противный мальчишка так меня достаёт? Я не могла показаться в коридоре школы, чтобы

не стать объектом его издёвок...

Но, с меня хватит. Я НИКОГДА больше не стану игрушкой в чужих руках.

Эшли – сын Хэлен – моей крёстной матери старше меня на два года. Не могу поверить, что когда то он мне даже нравился. Но с тех пор, как меня отправили учиться в эту элитную школу – интернат для детей богатых и очень занятых родителей, я сильно пересмотрела свои взгляды. Эшли – лицемерный подонок, с ангельски привлекательным лицом и взбалмошной, непредсказуемой, невыносимо избалованной и коварной душой.

Но моё пребывание здесь подошло к концу. Я больше его не увижу...

Аннотация

Альтернативная реальность...

Мир, в котором существуют Империи, Мир, в котором в отличие от нашего и остались крупницы волшебства, и всё ещё рождаются настоящие маги, и можно изредка встретить заряженные магией артефакты...

Главная героиня – девушка Маргарет – не пытается преобразовать этот Мир, она – просто живёт и борется за свою любовь и счастье.

А это – в любом из Миров – очень не просто...

ПРОЛОГ

– Расскажи мне о нашем мире, отец... Расскажешь? Ну, пожалуйста... До того, как всё стало серым... До того, как из него почти ушла магия... Расскажи, ну расскажи, отец... – лепетала я, подпрыгивая, как на иголках, в очередной раз досаждая ему.

Отец вздохнул, убрал с моего лица сбившуюся чёлку из выющихся и непослушных, чёрных как и у него волос. И, притянув меня на колени, поцеловал в висок.

– Ну, хорошо, чертёнок, садись и слушай...

И я слушала...

Слушала, открыв рот, о магах и колдунах, сражающихся за души людей в вечной битве добра и зла...

Слушала о магических расах почти бессмертных существ, населявших наш мир в далёком прошлом. Об их красоте и силе.

О наполненных магией мифических животных, резвящихся когда-то и на просторах наших материков, и в глубинах морей и океанов, и безраздельно властвующих в небе.

В детстве я воспринимала эти волшебные истории как сказки – очень красивые и печальные сказки о магическом мире. И только повзрослев, поняла, что эти сказки – реквием по миру, который мы потеряли...

Никто так и не понял причин...

А возможно, просто не осталось свидетелей, помнивших те события и способных рассказать правду о том, что на самом деле тогда произошло...

Одни говорили, что на наш мир упал метеорит...

Разрушившись в верхних слоях атмосферы, он долгие полгода выпадал осадками из глины и пыли на нашу прекрасную планету. Засыпав всё на полтора-два метра, метеорит похоронил то, что не смогло спрятаться и защититься от вездесущих потоков вязкой жижи и песка. Потом была зима – долгая и лютая зима, растянувшаяся на годы и почти добившая выживших...

Другие утверждали, что наш мир стал жертвой проклятья, направленного исключительно на магов, магических существ и мифических животных. Потому что после катаклизма наш мир накрыла странная, выборочная пандемия...

Она распространялась как пожар в сухую и ветреную погоду, меньше чем за месяц опутав своими щупальцами всю планету. Поражала эта напасть только одарённых магией людей, представителей магических рас и иных волшебных существ.

При этом была выявлена одна закономерность: чем сильнее в тебе магия – тем скоротечнее болезнь и ужасней и мучительнее смерть. Лекарства от неё так и не нашли, да и искать его к тому моменту было уже некому. Эта странная болезнь, которую в хрониках называли «магической лихорадкой», сама сошла на нет после того, как более-менее сильных

магов в умирающем мире не осталось вовсе...

Когда всё закончилось – наш мир стал похож на остывший ад. Его почти мёртвые океаны и моря выплёскивали на безжизненные берега вместо вод мутную красную жижу. Его опустевшие города с полуразрушенными зданиями, погребёнными до второго этажа под спрессованной глиной, похоронили под ней и своё величие, и останки своих жителей. А его бесплодные пустоши были устланы разлагающимися смердящими трупами драконов, химер и единорогов...

Третьи – считали произошедшее карой небес. Их последователи повсеместно проповедовали то, что хоть мы и созданы по образу и подобию бога, создавшего всё сущее, но не имели право возгордиться и пользоваться магией, дарованной нам нашим создателем. Так как ставили этим себя с ним на одну ступень. А иногда и выше.

За несколько десятилетий вокруг них собралось множество фанатично настроенных последователей, особенно – среди политиков и власть имущих. Позже эти люди создали новую религию, придумав нового бога, и его именем инициировали охоту на ведьм. Они методично выслеживали, отлавливали и сжигали на кострах – чаще всего без суда и следствия – тех магов, кто вопреки всему смог выжить и сохранить в себе крупицы магии или знаний. Они же отыскивали и уничтожали уцелевшие книги и магические артефакты. Хотя запуганные люди и сами несли их на круглосуточно горящие костры потому, что за их хранение можно было сго-

реть рядом.

Постепенно жизнь вернулась в опустевшие города, а магию заменил неожиданно появившийся и начавший очень быстро развиваться технический прогресс.

Мои родители – третье поколение, родившееся после опустошения нашего мира.

Маги изредка всё ещё рождались, но старались скрыть свою суть, боясь инквизиции. Лишённые знаний и без обучения – они были практически бессильны. Поэтому и не стремились объединиться, чтобы противостоять служителям нового бога...

Таким был мир, в котором я родилась...

Глава 1

Когда мне исполнилось всего восемь лет, умерла моя мама...

Моя добрая, нежная, любящая мамочка с огромными невероятными бирюзовыми глазами, смотрящими на меня с искренней любовью и непередаваемой нежностью, УМЕРЛА!!!

С её смертью разрушился и мой радужный мир...

В довершении ко всему мой отец почти сразу же после окончания траура женился на её сестре – близняшке Карри.

Эта подлая женщина – вероломно ворвавшаяся и в нашу семью, и в наши жизни – во время бушевавшей в наших краях чумы, стоившей мне матери, потеряла мужа и дочь, которая была моей ровесницей. Но я не смогла смириться с их браком, не смогла ей сочувствовать в её горе, не смогла понять причины их столь скорой свадьбы. Я не хотела мириться с её присутствием в нашем доме, в наших жизнях. Ведь она стала постоянным напоминанием мне о том, что я потеряла, и я возненавидела её за боль, терзающую меня.

Возможно, мне было бы проще смириться с браком отца, если бы его избранницей стала женщина, не похожая на мою маму...

Возможно...

А возможно – и нет...

Я – любимая всеми и до крайности избалованная – никогда не была тихим и беспроблемным ребёнком, во мне всегда боролись – словно два начала? – ангел и чёртик, и верх надо мной брал то один, то другой. Видимо, поэтому мама всегда меня называла ангелом, а папа – чертёнком.

Но сейчас...

После свадьбы папы и ПОДЛОЙ тёти Карри я буквально съехала с катушек. Словно чёртик внутри меня запер ангела в лабиринте, и тот – как не пытался! – никак не мог найти выход. Ведь я обожала маму и отца, у нас была счастливая, дружная, любящая семья...

Но однажды всё изменилось, мамы не стало, а отец привёл в дом ГАДКУЮ тётю Карри...

Сразу после их свадьбы отвратительная в своём притворстве, одетая в нежно-голубое – именно того оттенка, который так любила мама – пышное свадебное платье, с необычно блестящими триумфом глазами ЛЖИВАЯ тётя Карри ласково мне сказала:

– Маргарет, я сделаю всё, чтобы вы были счастливы. Если хочешь, то можешь называть меня МАМОЙ, – и она протянула ко мне руки, пытаюсь обнять.

Господи, мамино лицо...

Мамины глаза...

Мамин голос...

– Тебе никогда не стать мне мамой... – ответила я и обернулась к отцу. – Папочка, выгони её, ну, пожалуйста. Пусть

мамы нет, но разве нам плохо вдвоём? Я обещаю, что буду очень послушной... Обещаю, обещаю, ОБЕЩАЮ!!! – я, глотая слёзы и сложив ладонки в молящем жесте, смотрела на отца, но он был непреклонным.

На его уставшем, осунувшемся за последние несколько месяцев лице не отразилось ни одной эмоции. Тяжело вздохнув, он отвёл в сторону свои такие похожие на мои зелёные глаза.

– Однажды, Чертёнок, ты всё поймёшь... – устало сказал он, положив свою крупную ладонь на подрагивающее плечо моей МАЧЕХИ.

Я же была в отчаянии.

– Мне не нужна поддельная мама! – выкрикнула я и, наконец не выдержав, заплакала навзрыд, некрасиво всхлипывая и размазывая слёзы кулачками по лицу.

Отец попытался меня обнять и успокоить, но я вырвалась из его рук и убежала, закрывшись в своей комнате.

Я проплакала всю ночь, но наутро у меня созрел план: я не дам ЕЙ жизни в нашем доме, она горько пожалеет о своём вероломстве...

* * *

С того момента я шла на все возможные и невозможные ухищрения, чтобы насолить мачехе...

Я портила её вещи, хамила, провоцировала на скандал,

один раз даже подожгла её волосы...

За что отец первый раз в жизни наказал меня, лишив на несколько дней не только сладкого, но и запретив видаться с моей любимицей, золотистой пони Зарёй – последним подарком мамы. Это стало для девятилетней меня серьёзным испытанием, но я не сдалась, продолжив свою небольшую войну...

Отец раз за разом пытался меня урезонить, но я считала его предателем, а её – захватчицей. Я была глуха к их аргументам и доводам рассудка. В конце концов, мы с отцом почти совсем перестали разговаривать по душам...

Часами, сидя запертая в наказание в своей комнате, я вообще не сожалела о содеянном. Вместо этого – словно под диктовку чертёнка внутри меня – я упорно разрабатывала план дальнейших «военных действий». Я не узнавала саму себя, я стала ОДЕРЖИМА идеей избавиться и от НЕЁ, и от её притворной доброты, и от навязчивой любви к НАМ.

Однажды мачеха зашла ко мне в комнату после моей очередной выходки. Её лицо было печально, а взгляд – насто-роженным.

Я натянуто улыбнулась, пытаюсь понять, зачем она пришла.

Что ей нужно?

Как она вообще посмела войти ко мне без стука?

– Дорогая... Нам необходимо поговорить... – её голос был лишён каких бы то ни было эмоций, что раздражало и заво-

дило меня ещё сильнее.

В такие моменты мне становилось просто жизненно необходимо вывести её из себя, заставить наконец показать своё истинное лицо:

– Что ты здесь забыла? Это МОЯ комната, и ТЕБЕ здесь делать нечего... Пошла вон! – зло прошипела я.

– Маргарет, УСЛЫШЬ меня, так больше продолжаться не может... Твой отец, если ты не угомонишься, готов отправить тебя в школу-интернат. Он больше не в состоянии выносить это... Прошу тебя, образумься... Пожалуйста, Маргарет...

В её ненавистных глазах – глазах, так похожих на глаза моей мамы – плескались притворные слёзы.

– Этого не может быть!!! Папа никогда САМ не отправит меня туда! Это – всё ТЫ!!! Только ТЫ!!! – меня всю трясло.

– Выслушай меня, Маргарет... УМОЛЯЮ...

Она встала на колени, став чуть ниже меня ростом, и попыталась взять меня за руку.

– Давай заключим союз, я готова пойти на всё, лишь бы вы были счастливы.

– На всё? Да?.. Тогда... УМРИ – и я буду счастлива! – рычала я, как раненый, загнанный в угол зверёк.

Мачеха, побледнев, отпрянула, отвернувшись от меня к приоткрытой двери моей комнаты. Её плечи сотрясались от душивших её молчаливых слёз.

Но мне этого было мало.

– Ну, что же ты, ну, давай! Покажи своё настоящее лицо. Ударь, накричи на меня. Ну же... Мне осточертела твоя притворная доброта и всепрощение. Как думаешь, может, тогда я начну называть тебя МАМОЙ? Какую щёку тебе подставить? Правую, или левую? А может быть... Да мы не гордые, можем и сами...

И я, повернувшись к ней спиной, наклонилась и, задрвав подол моей юбки, закинув его на голову, оголила ягодицы. Я ждала порки, взрыва ярости с её стороны...

Но ничего не происходило...

После минутного замешательства ОНА подошла ко мне и, оправив на мне юбку, развернула лицом к себе, удерживая дрожащими руками за плечи. Её глаза были совершенно сухими – ни тени слёз.

– Маргарет, однажды ты всё поймёшь и пожалеешь обо всём сказанном и сделанном... И если не найдёшь в себе силы раскаяться и искренне попросить прощения, то останешься совсем одна. Запомни, дитя: мы с твоим отцом, несмотря ни на что, любим тебя и всегда простим... ПРОСТИМ – запомни это, Маргарет, – сказала она тихо, почти прошептав.

А потом, отпустив меня, спокойно ушла.

А я впервые не знала, что ей ответить. Я не могла понять, что произошло только что?

ЧЕМ это было? Угрозой с её стороны, или ПРОРОЧЕСТВОМ...

Так и не найдясь с ответом, отчаянно зарычав от бессилия и злобы, я вылетела из комнаты, громко хлопнув дверью.

Куда я бежала?

Не знаю...

Лишь бы подальше от НЕЕ, от себя...

Меня душили слёзы.

Пробегая мимо ИХ комнаты, я сняла ботинок и запустила им в их свадебное фото. Звук его падения и разбившегося вдребезги стекла меня сначала испугал, а потом – обрадовал. Я ПОПАЛА!

После этого, вечером, выбравшись тайком из комнаты, в которую меня отправили за разбитую фотографию, я стала свидетельницей того, как отец, обняв рыдающую мачеху, уговаривал её потерпеть ещё чуть-чуть, не покидать его, не оставлять нас...

– Она однажды всё поймёт и простит нас. Я уверен. Не смей сдаваться, ты слышишь? НЕ СМЕЙ!!!

– Я так вас люблю. Я верю, что моя любовь и терпение однажды достучатся до неё. Прости меня, прости за минутную слабость, но мне так жаль, так жаль, что господь забрал не меня... Я бы всё отдала за то, чтобы сестра сейчас была с вами... – всхлипывала в ответ мачеха.

* * *

Конечно, я ни капли не поверила мачехе и не успокоилась,

продолжая изводить и её, и отца своими выходками.

В результате – после того, как я, за пару часов до грандиозного приёма, в честь очередной годовщины их свадьбы, облила красной краской подаренный самим Императором новенький парадный портрет, вывешенный в холле над камином, взамен почти такого же, но с мамой. Да ещё и написав чёрной краской у них на груди нецензурные слова – я оказалась в очень престижной школе-интернате для одарённых детей богатых, но очень занятых родителей.

Мне тогда едва исполнилось двенадцать лет.

У меня до сих пор сжимается сердце при одной только мысли о том, как много всего я наговорила отцу. Как я была жестока...

Он стоял с каменным лицом, протягивая мне уведомление о поступлении в школу-интернат. Сначала я не поверила, потом умоляла его передумать. Но единственным условием отца была моя капитуляция, полная и безоговорочная. Он настаивал, чтобы я смирилась, сдалась...

– Никогда!!! ОНА этого не дожждётся!!!

ОНА стояла с бледным лицом, по щекам текли слёзы, в глазах была боль, которая меня только раззадоривала.

Я схватила со стола подсвечник, собираясь кинуть его в сторону мачехи.

Но отец, перехватив мою руку, отнял моё импровизированное метательное оружие и попытался прижать меня к своей широкой и такой родной груди.

Я тут же вырвалась, колотя его ладонями.

– Ну почему, почему она не умерла вместе со своей семьёй!!! ПОЧЕМУ!!!

– Всё, хватит! Маргарет, ты перешла черту, решение принято. Завтра же уезжаешь!

– У меня больше нет отца! Я никогда, слышишь? НИКОГДА не хочу тебя видеть!!! Лучше б ты умер вместе с мамой... – выкрикнула я и опрометью бросилась к себе.

Казалось, слёзы выжигали душу. Гнев, страх и беспомощность кружили голову, не давая дышать...

Утром, зарёванную, с опухшими глазами и красным носом меня усадили в машину и увезли в ненавистную школу-интернат.

Отец даже не пришёл проститься.

И только ОНА стояла на ступеньках – бледная и молчаливая.

Господи, как я ЕЁ ненавижу...

Глава 2

Первые недели, в школе-интернате я совсем не помню...

Нет, я не плакала дни напролёт, не билась в истерике, не сидела часами над фотографией мамы, рассказывая ей о своих бедах и моля о помощи, что, вероятно, стало бы логичным в моём возрасте...

НЕТ...

Мой разум просто отказывался принимать произошедшее со мной. В тот период моей жизни мне перестали даже сниться сны, совсем...

Меня накрыла хандра и апатия, а тело действовало, словно на автомате и инстинктах...

Но всё проходит, прошло и это...

Когда боль от предательства отца и вероломства мачехи слегка утихла, а мир вокруг начал снова приобретать чёткие очертания, звук и краски, я стала находить даже приятные стороны своего нынешнего положения.

Не поверите, но всех без исключения преподавателей школы-интерната интересовали только наши результаты в учёбе и внешнее соблюдение нами устава школы и прописанных в нём норм поведения. В остальном на нас было всем плевать – меня это устраивало, так как ни перед кем изливать душу я тогда не могла, и не хотела. А жалости к себе я просто не потерпела бы.

Учащиеся жили в общежитии, на огороженной довольно высоким забором территории школы-интерната, названия которого я сначала не запомнила. Хотя, скорее всего, мне это было просто безразлично. Общежитие имело два корпуса. Женский корпус – более поздней постройки, чем мужской, и выполненный в одном стиле с основным зданием интерната – соединялся с ним крытым переходом. Огромные окна которого были украшены изумительными стеклянными витражами с изображениями мифических животных, которые были выполнены настолько искусно, что невольно закрадывалась догадка: а не являются ли они уцелевшим чудесным образом наследием утраченного нами магического мира.

Мужской же корпус был простым трёхэтажным зданием более поздней постройки, кирпичные стены которого были выкрашены в грязно-бежевый цвет. Он примыкал вплотную к древнему и красивейшему учебному корпусу интерната, построенного из блоков потемневшего от времени песчаника, в «Каролингском стиле». Этот корпус не имел непосредственного прохода в здание самой школы, но, смотрясь нелепо и несуразно на его фоне, откровенно вносил дисгармонию во весь архитектурный ансамбль.

Обучающиеся размещались по два человека в просторных комнатах, в которых было всё необходимое для жизни. А вот столовая и спортзал были общими и находились в отдельно стоящем современном здании, выкрашенном в тот же ужас-

ный цвет, что и мужской корпус общежития.

Мне в соседки по комнате досталась тихая девочка, которую я в те дни не замечала, словно её и нет. Даже имя моей тихой соседки для меня долгие полгода оставалось тайной. Да надо отдать ей должное, она и не пыталась наладить со мной хоть какой-то контакт. Видимо, понимая, что ко мне – такой колючей и немногословной – лучше пока не лезть...

* * *

Постепенно, по крупицам пытаюсь вновь собрать пазл души под именем Маргарет фое Шоле, я смогла выстроить вокруг неё такую глухую и неприступную стену, что сквозь неё не смог бы пробиться никто. Похоронив за этой стеной и своего ангела.

Благодаря отчаянию и опустошённости – моим верным спутникам в те дни – я вела себя агрессивно и бесшабашно. Сначала это привлекло внимание одноклассников, и они попытались со мной подружиться, но моё поведение очень скоро отпугнуло даже самых отчаянных из них. Мальчишки – несмотря на то, что я была достаточно привлекательна – меня стали сторониться, а девчонки – бояться... Поэтому друзей я не завела, но и врагов не было. И хотя училась я неплохо – потому что мне всегда легко давались науки, без особого труда и зубрежки – на всевозможные олимпиады и кон-

курсы учителя отправляли других.

Но меня это не сильно заботило. А точнее – я этого просто не замечала...

Зато наконец я узнала, какое же имя носит школа-интернат, в которую мне так повезло попасть...

Её полное название было – «Имперская Школа-Интернат совместного обучения высшей категории. Имени достопочтенного пресвятого великомученика Аниориона»...

А знаете, кем был этот достопочтеннейший и святой человек?

Нет, он не построил здание школы, как вы могли бы подумать. И вот неожиданность: он не был её основателем. Да и как вы, наверное, уже догадались – и не работал в ней никогда...

На самом деле – всё до банального просто...

Он был одним из тех фанатичных Адептов Святой Инквизиции, которые рыскали по полуразрушенным зданиям прошлой цивилизации в поисках магических книг и артефактов. Но этому святому человеку повезло, так как именно он обнаружил в старом, чудом сохранившемся опустевшем замке древнюю библиотеку. И недолго разбираясь, даже не проверив, являются ли книги магическими, Аниорион именем своего бога СПАЛИЛ их вместе с престарелым хранителем. Причём – привязав седого и немощного старика к вкопанному во дворе замка столбу, он обложил его старинными рукописями и фолиантами и поджог их. Несчастный старец сго-

рел дотла, вместе со своими сокровищами...

А почему именно Аниориона – а не сожжённого им старца считают – великомучеником?

Да потому, что – судя по архивным записям – этот старичок оказался «злокозненным магом» и проклял спалившего его инквизитора. Который вдруг скоростижно скончался...

Но если посмотреть на даты, то между этими событиями прошло по меньшей мере двадцать лет...

Отсюда возникает вопрос: «А бывают ли проклятья с отсроченным действием, и зачем нужно было умирающему в мучениях магу на столько лет продлевать сытую жизнь своего убийцы?».

Вот чьё имя ГОРДО носит эта школа...

* * *

Первый год в интернате прошёл как в тумане.

Отец ни разу меня так и не навестил...

Что само по себе стало для меня, свято верящей в свою правоту, тяжёлым, почти непосильным наказанием.

Но он не просто не навестил меня, он не прислал мне ни одного письма, подарка или записки...

Поначалу я очень ждала его приезда, хотя и ужасно злилась на него. Я рисовала в воображении, как пылая праведным гневом, буду отчитывать отца за предательство меня

и памяти мамы. А он, естественно – а как же иначе? – станет рыдая умолять меня его простить. И я прощу, обязательно прощу, но только тогда, когда он разведётся с мачехой и с позором выставит её вон из НАШЕГО дома.

Но время шло, а он так и не появился...

А я ждала...

Простаивая у окна все выходные, высматривая его машину.

Постепенно мой гнев вместе с болью поутих. Я больше ничего не требовала от отца, я молила бога, чтобы оттаяло его сердце, и он простил меня за всё. Теперь я представляла, как он, положив руки мне на плечи, предложит вернуться домой, прося только об одном – терпимее относиться к мачехе. И я, помявшись, для приличия, соглашаюсь. Но при одном условии: жить она будет отдельно от нас...

Ведь это хороший компромисс, правда?

Но его НЕ – БЫ – ЛЮ!!!

И тогда, отчаявшись, я поняла причину его отсутствия. Его ко мне не пускает ОНА! И я перестала его ждать и надеяться на чудо.

Господи, КАК ЖЕ Я ЕЕ НЕНАВИЖУ!!!

* * *

А больше всего меня раздражало то, что мачеха – что б её! – приезжала в интернат РЕГУЛЯРНО, раз в неделю.

Но я не хотела, просто не могла её видеть. Даже подарки и сладости, передаваемые мне от неё педагогами, я раздавала одноклассникам, так ни разу и не попробовав их сама.

Правда, правда...

Ни одной конфетки...

Даже на каникулы я отказывалась покидать опустевший интернат только потому, что за мной приезжала ОНА...

Она, а не ОТЕЦ!!!

И только тётя Хэлен – моя крёстная и давняя подруга мамы – вносила разнообразие и какое-то подобие счастья в мою беспроблемную жизнь.

Эта светловолосая, рослая, миловидная и ещё не старая женщина стала для меня отдушиной. Она всегда была добра, весела и предупредительна со мной. Рассказывала забавные истории, брала меня погулять в город и всячески скрашивала моё одиночество. Не давая отчаянию поглотить меня полностью. По молчаливому согласию мы не говорили о моей семье, не обсуждали ни отца, ни мачеху, ни моё к ним отношение. Я видела, что тётя Хэлен меня действительно любит и чувствует, что может причинить мне этим боль.

Впрочем, я платила ей тем же. И несмотря на то, что иногда мне хотелось просто залезть под одеяло с головой и никого не видеть и не слышать, жалея себя. Ради неё я натягивала приветливую улыбку на лицо и шла с ней в кафе, кино или цирк.

А её сын...

С Эшли нас познакомили в раннем детстве, мне было около трёх лет, а ему – семь. Я тогда была слишком мала, чтобы составить о нём своё мнение. Но так как наши семьи дружили, мы встречались довольно часто и даже изредка жили друг у друга. Тогда он мне нравился, очень. Настолько, насколько может нравиться четырёх-пятилетнему ребёнку старший брат, ну или огромный плюшевый мишка. Потом внезапно умер его отец. А вскоре после этого в результате долгой болезни скончалась и моя мама. Эшли отправили в школу-интернат, а мой овдовевший отец женился...

Так в наших жизнях всё изменилось...

Время шло...

Мы с Эшли выросли отдельно друг от друга. Я обучалась дома, и несмотря на то, что тётя Хэлен была частым гостем в нашем доме, до моего поступления в эту школу с Эшли мы больше ни разу не виделись. Я забыла его. Годы безжалостно вытравивали память о нём из моего сознания полностью...

Когда крёстная приехала в школу-интернат первый раз – где-то через два месяца после моего поступления в него – она, с трудом расшевелив меня, взяла нас с Эшли вместе погулять в город.

Надо ли говорить, что в тот момент я была совсем не настроена на позитивное общение ни с ним, ни с ней, да и ни с кем?

Но Хэлен чудесным образом смогла достучаться до меня, и я начала оттаивать. Она же – заново познакомила нас

с Эшем.

Мы до этого пару раз сталкивались с ним в интернате на переменах или в столовой. Но я тогда его не узнала, точнее, я до этого момента даже не предполагала, что мы знакомы, и более того – когда-то дружили. К слову сказать, он тоже меня не узнал.

К Эшли, как ни странно, я почти сразу прониклась симпатией и доверием. Хотя, может быть, это произошло потому, что он был такой же светловолосый и рослый как мать, с приветливой улыбкой на открытом лице и голубыми – в точности как и у неё – глазами.

Крёстная постоянно говорила о том, что его долг – оберегать меня и помогать мне.

В тот момент, когда Эшли, приобняв меня за плечи, честно обещал ей быть по отношению ко мне рыцарем, я была так тронута его словами, что даже всплакнула от нахлынувших чувств. Ведь предполагалось, что я больше не буду одинока, у меня теперь есть защитник, почти что брат. Ради него – нет, я не готова была разрушить стены, защищающие мою душу – со временем могла слегка приоткрыть дверь...

Поначалу, стоит признать, так и было. Он был со мною терпелив, добр и снисходителен. Я в силу возраста ему, конечно, сильно навязывалась. Ходила за ним буквально хвостиком, вызывая добродушные насмешки его друзей. Но меня это мало трогало, ведь я так нуждалась в друге. И независимо от его желаний мы много времени проводили вместе.

– Марго, ты опять пробралась в мою комнату? Сколько можно говорить, что мужская часть общаги – это не место для девочки, – ворчал Эш, пытаюсь вытащить меня из-под кровати.

Я сопротивлялась, как могла, но силы были явно не равны.

Его сосед по комнате – Степан – всё-таки умудрился поймать меня за лягнувшую его ногу.

– А-а-а, отпусти! Ты за это ответишь! Извращенец!!!

Кричала я, неистово пинаясь и вертясь. Пытаюсь вырваться.

– Держу... – пыхтел Стёпа.

– Тащи её, – завозился рядом Эш.

Но не тут-то было. Одним прицельным пинком я высвободилась из захвата и, судя по витиеватой и не вполне цензурной тираде, надрывно произнесённой Степаном, я попала. Имею в виду – в цель.

– Отойди, Эш, я сейчас прибью её...

Нет, наверное, всё-таки просто попала...

Я забилась в самый дальний от них угол и возблагодарила бога за то, что все ножки кроватей в общаге прикручены к полу.

– Марго, вылезай... Ты же не планируешь провести всю ночь под моей кроватью?

– Пока Степан не извинится – не вылезу, – как можно обиженной прохлопала я.

– Что-о-о? Да это ты меня лягнула, а мне извиняться...

– А не надо было лапать!

– А нех... Прости, неза...

– Прощаю, – пропела я и, кряхтя, вылезла из-под кровати, чтобы насладиться бордово-возмущённой физиономией Стёпы.

Не поверите, но я его совершенно не боялась. Он добрый и милый парень...

Ну...

Насколько может быть милым почти двухметровый рыжеволосый верзила с широким веснушчатым лицом, всю жизнь играющий в регби. У него есть две младшие сестры, которых он очень любит, несмотря на их постоянные проказы. И меня он воспринимает так же. Поэтому мне очень сильно повезло.

– Ладно, не злись, я не нарочно. Мне же из-под кровати не видно, куда я быю. Тем более сам же меня и учил, – почти извинилась я, откровенно любуясь своей работой.

Он хмуро потёр покрасневшую скулу.

– Хочешь, буду отдавать тебе все подачки мачехи целый месяц?

– И полдники... – уже почти смеясь, пробасил он, направив в мою сторону указательный палец, в уточняющем жесте.

– Нет, ну это наглость... – развела я руками.

Но видя как, его глаза возмущённо поползли на лоб, я сдалась:

– Ну ладно, ладно... И полдники, но только неде-

лю... Мир?

– Мир, – звонко хлопнув своей огромной ладонью по моей протянутой ладошке, рассмеялся тот.

Эш толкнул его локтем.

– Со мной поделишься?

– Не-а, это мой честно заработанный гонорар за участия в боях без правил. В которых ты, между прочим, был всего лишь организатором.

– Ну а на процент-то я рассчитывать могу? Сам же сказал – ОРГАНИЗАТОР. Так что – делись, – поставил точку Эш в их споре.

– Так, Марго, и чему мы обязаны твоим визитом? – уже смеясь, спросил меня Эшли.

– Физике, – лаконично ответила я, понурившись.

– Ладно. Давай сюда, так и быть, взгляну.

Стёпа пригладил руками как всегда, взлохмаченные волосы. Помогло не сильно.

– Так, ребята, я пошёл. С физикой я вам помочь не смогу. Точные науки – не самая сильная из моих сторон, – сказал Стёпа и, посмотрев на часы, добавил. – За пару часов, думаю, управитесь. Пойду, прогуляюсь... Из кафешки на обратном пути что-нибудь прихватить?

Мы сделали заказ и занялись моей домашкой.

Вернувшийся Степан застал нас спящими в обнимку.

Физика нас добила...

Не могу сказать, что отец держал меня в чёрном теле. Нет. Мне ежемесячно переводили неплохие деньги на личные расходы, а регулярно, раз в неделю приезжавшая мачеха привозила разнообразные вкусности – которые я сразу раздавала одноклассникам – и иногда одежду, которая не распакованной так и лежала на полках моего шкафчика.

Я не хотела, просто не могла позволить себе пользоваться её подачками. Поэтому, всё что мне было нужно, или просто хотелось, я приобретала сама. Несмотря на то, что попечительский совет интерната обеспечивал нас всем необходимым и для учёбы и для жизни, от стандартных ручек до одинаковой зимней формы, а по уставу интерната младшие и средние классы не могли самостоятельно покидать его стены, под угрозой отчисления...

Но кто же нас удержит?

Тем более что приближался Новый год – 328 год от Оупстошения нашего мира.

За недолгое время, проведённое мной в интернате, во многом благодаря подачкам мачехи незаметно для себя я сблизилась с некоторыми одноклассниками. При этом – вы понимаете? – что не с самыми примерными и послушными. И мы на регулярной основе устраивали побег из интерната, часто попадая в небольшие неприятности, из которых – надо

отдать им должное – нас постоянно вытаскивали жутко злой Эш и жутко довольный Степан.

Вот и сегодня нас снова понесло в лавку сувениров и карнавальных костюмов.

В интернате Новый год всегда отмечали грандиозным балом-маскарадом, и этот год не стал исключением. Некоторые учащиеся делали себе костюмы сами – неуклюжие и простенькие, кому-то присылали из дома – очень дорогие и милые, но в основном – банальные.

Мы же решили отличиться и прикупить – а если будет необходимо, переделать под себя – такие костюмы, чтобы педагогам ещё много лет потом икалось.

Нас было пятеро...

Собственно – я. Прошу любить и жаловать.

Моя тихая – как мне вначале казалось – соседка по комнате, которую, кстати, звали – Зинка. Она была тощей верзилой, с мальчишески угловатой фигурой и совершенно невыразительным лицом. Но зато – с шикарными русыми волосами до талии, зависть всех девчонок нашего потока. Она была классной. И как я подозревала, была слегка влюблена в Итана. Зинка часто становилась причиной многих наших проказ. Так как ум у неё был изворотливый и коварный. В общем, вы поняли: мы как никто другой подходили друг другу. И поэтому – «спелись»...

Собственно – Итан. Крепкий, коренастый кареглазый парень с торчащими во все стороны каштановыми волосами

и симпатичным, но изъеденным акне лицом. Он был ужасно озорным и нахальным, он явно отвечал Зинке взаимностью, но жутко этого стеснялся и прятал свои чувства за бравадой и шутками. А взять его «на слабо» – было вообще плёвым делом. Он вёлся, как пацан, коим он и являлся...

Аманта – слегка полноватая хохотушка, с ямочками на щеках, но это её не портило, а придавало особый шарм. Она жутко сердобольная и добрая, но не лишена духа авантюризма, а ещё она **ОЧЕНЬ ЛЮБИТ СЛАДОСТИ!!!** Добрая треть всех подачек мачехи доставалась ей. Хотя, подозреваю, она съела бы и больше. Кроме всего прочего – она отличный стихоплёт. Её эпиграммами в стенгазете – редактором которой она и являлась – зачитывались все, даже педагоги.

И Кевин, ну куда же без него. Красивый, рослый, злой... Не знаю, как он оказался в нашей компании неудачников. Даже со стороны он сильно из неё выделялся. Но он любил таскаться с нами, хотя часто из-за него наши достаточно безобидные проказы перерастали в почти настоящие правонарушения, грозившие не только отчислением из школы, но и тюремным сроком...

В общем, согласитесь, весьма разношёрстная и колоритная команда...

Обойдя за три дня поиска все магазины, торгующие интересующим нас товаром, мы так и не смогли определиться.

Зинка предлагала купить костюмы пиратов, причём – только мужского поля, на что Аманта возражала, премило

обрисовав всю свою безрадостную перспективу. Она так натурально изобразила пирата с нетрадиционной ориентацией, что дальнейшее обсуждение началось не раньше, чем каждый предложил свой вариант на эту тему, то есть – где-то через час, не меньше.

Итан – ну тут всё понятно, он за любой кипишь, кроме голодовки. То есть – что все решат, то он и напялит. Поэтому – в обсуждении и споре он не участвовал.

Сама же Аманта предложила нарядиться магическими существами или животными. Причём – себе хотела выбрать костюм кентавра. Но никто не согласился стать её задними ногами, как она ни уговаривала. Кстати, сама становиться чьими-то задними ногами она тоже отказалась и быстренько съехала с темы...

Кевин хотел нарядить нас детьми ночи – вампирами и зомби. Как раз в его стиле. И пугать на маскараде всех не только своим видом, но и шокирующим поведением...

А я?

А что я...

Я решила быть оригинальной и предложила переодеться мальчикам в девочек, а девочкам – в мальчиков. Причём – Зинка, может остаться пиратом. Это не противоречит условиям проказы, которую я придумала. Выиграет тот, кто продержится дольше всех в своём образе, до разоблачения, а дополнительные бонусы получит тот, кто сможет соблазнить на поцелуй лицо своего же пола.

Зинка согласилась сразу.

Итана мы с ней, как всегда, взяли «на слабо».

После недолгих споров и препирательств согласился и Кевин, но сразу предупредил, что целоваться ни с кем не будет.

Самое сложное оказалось – убедить Аманту. Она была **КАТЕГОРИЧЕСКИ** против. Но тут я вспомнила про демократию и предложила всем проголосовать. Естественно, с огромным перевесом голосов – а точнее, четверо против одного – победила **ДЕМОКРАТИЯ!!!**

К слову сказать, в нашем мире не все магические артефакты были уничтожены или находились под запретом. Вот, например: у меня был удобнейший и дорогуший девайс – колечко, позволяющее надевшему его влезть в любую, самую маленькую одежду или обувь. И что самое удивительное: всё надетое потом – даже после того, как ты снял кольцо – оставалась твоего размера. До тех пор, пока ты её не снимешь. Подозреваю, что у Золушки было нечто подобное... Кроме того это колечко могло подогнать и фигуру под одежду, если она велика. Но для этого кольцо нужно было носить не снимая.

Сжалившись над поникшей Амантой, я предложила ей этот выход, и она, разумеется, с радостью согласилась, предвкушая прекрасное развлечение и свою лёгкую победу.

Решив, что тайну своего образа стоит сохранить и от приятелей, мы разбежались готовиться. До маскарада оставалась неделя...

Я не долго – почти два дня! – думала: в кого же мне нарядиться?

Но мой рост и subtilность не оставляли особого выбора. Тем более что колечко, на которое я изначально рассчитывала, я отдала Аманте.

Наконец, перебрав все доступные мне варианты и уже почти отчаявшись, я написала на бумажках все перебираемые – и по той или иной причине отвергнутые – мной образы и, свернув их трубочкой, сложила в кепку. Перемешав их и для верности прикрыв глаза, я достала одну из бумажек. Потом, развернув её и расстроено вздохнув, смяла и кинула обратно.

Не буду вам рассказывать, что я вытянула – это не важно...

Главное, что я наконец определилась, решив воспользоваться идеей Кевина и переодеться вампиром. Судя по рассказам, дошедшим до нас, они были все тонкокостные, худые, грациозные и пластичные.

Немного поразмыслив, я решила, что смогу увеличить свой рост за счёт увеличенной платформы, которую в тот же день и заказала у сапожника. Он порадовал своим профессионализмом и изобретательностью, и ровно через три дня я уже щеголяла в невероятной обуви, низ которой имитировал мужские ботинки сорок второго размера, выполненные из хорошей кожи и выглядевшие очень стильно и дорого. А сантиметров через тридцать-тридцать пять мужской

низ переходил в удобные высокие ботинки на шнуровке моего размера. Померив их, я пришла к выводу, что немного потренировавшись, смогу в них даже танцевать. Хотя это – не точно. А больше всего порадовало меня то, что они почти ничего не весили. Хотя стоили прилично. И съели половину сэкономленных мной за полгода карманных денег.

Костюм же вампира я банально купила в одной из местных лавок, вместе с вставными зубами, красными линзами и перчатками с ужасно длинными когтями, которые должны были визуальнo удлинить руки моего вампирёныша. Костюмчик, правда, был на пару размеров великоват. Но эту проблему я устранила, купив надувные накладки, имитирующие мускулатуру. Заодно – они скрыли мою «зарождающуюся» грудь, а также – талию, попу и бёдра. И финальный аккорд – цилиндр, я надеялась, что он усилит эффект, добавив ещё несколько сантиметров к моему росту. Хотя, если быть честной, он мне просто понравился.

В общем, изрядно попотев и надев всё это, даже без макияжа и причёски я стала похожа на длинного сутулого пацана с большим размером ступни, длинными кривыми ногами и короткими, но мощными руками. Одним словом – девушкой там и не запахнет. Уж я постараюсь. Безусловно, результатом я осталась довольна.

С Кевином и Амантой всё время, оставшееся до маскарада, мы часто пересекались вне класса, вместе обедая или гуляя по заснеженным аллеям территории интерната. Каждый

из нас, между прочим, старался аккуратно выведать тайну образа друг друга...

Но получалось не очень...

А вот Зинка с Итаном всё время где-то пропадали. И я подозреваю, что подготовка к этому маскараду их сблизила.

На сам праздник мы договорились прийти порознь.

Было очень интересно: что же придумали друзья?

И в то же время – волнительно: смогу ли я их узнать, и узнают ли они меня...

Нервно озираясь и неуверенно поправляя свой костюм, я вошла в ярко освещённый и броско украшенный к празднику зал с небольшим опозданием. Самой не верилось, но опоздала я потому, что никак не могла справиться с макияжем и причёской. Ну, допустим, сам макияж я сделала довольно быстро. Я долго решала, каким он будет. А вот волосы...

Их пришлось УКРОЩАТЬ...

Но они никак не хотели мне подчиниться. Уговоры и средства для укладки волос не действовали. Пришлось угрожать. Нет, на самом деле...

Через полчаса безуспешных боёв, я была готова капитулировать и отправиться на маскарад с копной из вьющихся и взъерошенных патл, что явно противоречило идеальному образу вампира. На помощь пришла смекалка, а вместе с ней – отчаянье и утюг. В результате титанических усилий с их стороны мои непокорные волосы впервые в жизни, выглядели гладкими – буквально поглаженными. То есть – АБ-

СОЛЮТНО!!!

Гордая собой, грациозной походкой ходулиста я продвигалась среди пёстро разодетой толпы. Вертя головой, я искала в толпе приятелей и попутно пыталась узнать окружающих меня людей под разнообразными масками. Во многих случаях это оказывалось легко.

С друзьями мы договорились, что узнав друг друга, не станем это афишировать, а просто произнесём кодовую фразу: «маска я вас знаю», что и будет означать – проигрыш в нашей игре. А для остальных участников карнавала пусть всё откроется в полночь, когда после салюта, возвещающего наступление Нового года, снимут маски все.

Сначала вечер не клеился...

Но после пары бокалов шампанского, разлитого в тайне от преподавателей по пластиковым бутылкам с этикетками шипучих напитков, всё наладилось.

Я осмелела и, прокашлявшись, как могла изменив голос и дикцию – что если учесть наличие неудобных вставных зубов во рту было не сложно – пригласила пару симпатичных леди на танец. Потом эта пара симпатичных леди пригласила на танец меня...

Я на удивление неплохо с этим справлялась, ни разу не оступившись в танце и, к счастью – не упав. А если вспомнить про высоту моих ходулей-платформ, то это – везение, граничащее с чудом!

Потом было ещё несколько бокалов с шампанским...

И ещё пара танцев, и снова шампанское...

После которых я определилась с симпатией и предложила уединиться на балконе одной из нагло кадривших меня леди в жутковатом костюме зомби-ведьмы...

Оказавшись на балконе, я поёжилась от холода и неуверенности в своих силах. На улице смеялись и шумно пели новогодние гимны разгорячённые шипучкой, разодетые кто во что горазд школьники. То тут, то там взрывались петарды...

Меня аж передёрнуло, когда, ведьмочка, напомнила о себе, прижавшись ко мне бедром. Преодолев отвращение, я её обняла за талию, притянув к себе...

Когда уже дело дошло до поцелуя с облапанной мною леди – не леди, с неё вдруг, упал парик!!! – я взвизгнула, отпрыгнув совсем не по-мужски...

А эта ЛЕДЬ тупо ЗАРЖАЛА!

Гортанно так, мужественно...

Я осоловело уставилась на эту «недоледи», и...

И узнала в ней – никогда не поверите! – Эшли...

Справедливости ради хочу сказать, что меня он узнал только после того, как я выплюнула вампирские зубы...

Оказалось, что мы не были оригинальны в своей затее. Они со Степаном додумались устроить точно такой же розыгрыш, с точно таким же условием. И Эш в подготовке своего образа – так же как и я – воспользовался подручными средствами, благо, его худощавость ему в этом сильно по-

могла, а все выпуклости – такие же надувные накладки, как и мои фальшивые мышцы. А вот Степан – воспользовался таким же колечком, как и Аманта. Вот так-то...

Мы, смеясь и получая удовольствие от общения, прижавшись друг к другу плечами, стояли, привалившись к балконному ограждению. Глядя на веселящихся под балконом людей, мы или закладывали пари по поводу их личностей или весело комментировали их костюмы. Эш, смеясь и жестикулируя, рассказывал о создании своего наряда и образа. Периодически с интересом спрашивая меня о том же.

И я, смеясь в ответ, охотно делилась с ним своими секретами.

И тут небо окрасили яркие вспышки, и грянули залпы новогоднего салюта. Мы замолчали, любуясь расцветающими в небе над нашими головами огненными цветами, которые существовали только лишь для того, чтобы через несколько секунд бесславно увянуть, исчезая гаснущими искрами.

Салют извещал, что карнавал окончен, и все участники должны снять маски.

Совсем забыв о цилиндре, венчающим мою голову, я расстроено вскрикнула, когда он, не удержавшись на моих волосах, вдруг слетел и подхваченный порывом морозного ветра, прокатившись по парапету балкона, выпал на улицу. Но когда Эшли в неудобной женской юбке лихо перепрыгнул балконное ограждение вслед за ним – я, взвизгнув, закрыла руками глаза, отказываясь смотреть на его падение.

Я стояла, зажмурившись, до тех пор, пока не услышала:
– Я – в порядке!

Открыв наконец глаза, я с облегчением выдохнула, с восхищением поняв, что он приземлился как кошка в сугроб под балконом и всё-таки поймал мой непокорный головной убор. Когда же он стал лезть обратно на балкон – под которым к тому моменту уже собралось приличное количество подбадривающих и подстрекающих его на безрассудный поступок зевак – и, не удержавшись, рухнул спиной вниз, то я впервые в жизни закричала от настоящего испуга и сломя голову побежала на улицу.

К счастью, Эш отделался небольшими ссадинами и ушибом спины.

В итоге: Аманта, переодетая ковбоем – как позже мы узнали – в засос целовалась со Степаном в костюме горничной на соседнем балконе...

Итан – в нелепом костюме пиратки – так весь праздник и провёл с Зинкой в костюме пирата...

Интригу до конца вечера удержал – и в результате выиграл – Кевин, переодетый в...

Никогда бы не догадалась – в **КРАСНУЮ ШАПОЧКУ!**

Кевин – несмотря на своё заявление, что не станет ни с кем целоваться – у всех на виду чмокнул в щёку довольно смазливую и шумную даму в костюме русалки, оказавшуюся проректором старшей школы нашего интерната, но – мужского пола!!!

– Вот так мы теряем лучших друзей и преподавателей! – выдал Степан, когда маскарад раскрылся.

Не поверите, но его слова оказались пророческими...

По результату этого новогоднего карнавала мы действительно потеряли двух своих одноклассников, так как Зинка оказалась беременной от Итана.

И когда успела?..

Благодаря этому обстоятельству было долгое и шумное разбирательство, грозящее увольнением всего учительского состава школы. К делу даже подключили Имперский опекунский совет. Ведь Зинке на момент беременности едва исполнилось пятнадцать, а Итану – шестнадцать лет!

Согласна, рановато...

Но моя ТИХАЯ подруга всегда говорила, что хочет большую семью и как минимум шестерых детей – четырёх рыцарей и двух принцесс.

Ну что ж, начало положено...

Надо ли говорить, что Зинкины родители были, мягко говоря, удивлены фактом беременности своей дочери настолько, что даже подключили к расследованию святую Инквизицию.

Ну, не знаю – как по мне, беременность – это не одержимость, и инквизиция тут не поможет. Тем более что факт непорочного зачатия тоже не подтвердился...

В результате, по окончании расследования, их быстренько обженили, и они покинули стены нашего учреждения счаст-

ливой супружеской четой уже в марте. И доучиваться будут дома, под детский плач в ворохе пелёнок...

СЧАСТЛИВЧИКИ!!!

Кстати – Эшли, за свою выходку с балконом, тоже попал под раздачу! И он не отделался только банальным штрафом, как положено по уставу школы. Он был взаправду арестован!!! И все зимние каникулы провёл в самой настоящей тюрьме, в камере! Приговорённый к двум неделям исправительных работ на благо Империи, выходя на улицу только для того, что бы очистить снег во дворе полицейского участка.

Глава 3

После Новогоднего бала мы с Эшем не стали – как вы могли бы предположить – более близки. Нет. Наши отношения остались на том же уровне, что и были до того. Во всяком случае, я так и продолжила его воспринимать как заботливого старшего брата, который всегда готов поддержать в трудную минуту, подставив такое надёжное плечо...

А вот отношения Степана и Аманты явно переросли разряд дружеских.

Почему я так решила?

Да потому, что после празднования Нового года всё своё свободное время они старались проводить вместе. И даже в школьной стенгазете неожиданно для всех появился новый талантливый корреспондент под псевдонимом «Стэп».

Но мы-то знали, кто это...

Подозреваю, что именно поэтому Эшли стал чаще чем обычно проводить время со мной. Не поверите, но иногда он стал САМ предлагать мне помочь с домашкой. А иногда сам же провоцировал наши побеги с территории интерната с целью развеяться или заглянуть в полюбившуюся мне городскую обсерваторию.

Да и на весенние каникулы, в этом году, Эш остался в интернате, объяснив это тем, что его мама уезжает по работе в командировку, а проводить каникулы в гордом одиноче-

стве он не хотел. В общем, эти весенние каникулы стали для меня самыми весёлыми и счастливыми за всё моё пребывание в этой школе. Мы с Эшем посещали музеи или кафешки или просто гуляли, любуясь красотами просыпающейся от спячки природы. За эту неделю он ни разу не повторился, всё время придумывая для меня что-то новенькое.

Я даже пару раз повздорила из-за этого с Кевином, который раньше был моим единственным постоянным спутником на всех каникулах, так как ему, как и мне, некуда было уезжать. Теперь же, он оставался совсем один на территории интерната. Хотя я так и не поняла причины его недовольства, я ведь предлагала ему составить нам компанию, но он, презрительно скривившись, сам отказывался.

Но однажды всё изменилось – в жизни Эша появилась Стефани...

Мне она – впрочем, как и всем – сначала очень нравилась. Красивая, высокая, почти с Эша ростом, уверенная в себе. С прекрасной фигурой и копной каштановых, абсолютно гладких волос, достигающих длиной почти до талии. Её необыкновенно задорная улыбка на утончённом лице с невероятными миндалевидными глазами вишнёвого цвета никогда не могла оставить равнодушным. Такая весёлая, такая умная, такая красивая... **ИДЕАЛЬНАЯ!**

Все мальчишки интерната, обратив на неё внимание, влочилились за ней.

Но она как-то сразу отдала предпочтение Эшу, хотя явно

придерживала около себя и пару запасных вариантов.

С Эшли они были ровесниками и одноклассниками.

– Марго, ты представляешь... Её отец получил должность обер-прокурора Святейшего правительствующего синода в нашей административной единице Империи. И, переехав сюда, перевёл её к нам из другой школы, где она была капитаном команды черлидерш, – с нескрываемым восторгом тараторила Аманта, явно попавшая под её обаяние и природный магнетизм. Впрочем, как и весь интернат, и преподаватели в том числе...

Очень быстро, буквально за пару месяцев в нашем учебном заведении она заняла то же место, что и в своей прежней школе. А то, что ради этого с помощью сплетен и интриг ей удалось перессорить всю команду черлидерш, выживая их прежнего капитана, по её мнению – «Случайность и незначительное недоразумение»!

Многие девчонки, поддержавшие прежнего лидера, отказались выступать под началом Стефани и ушли из команды. А через некоторое время, на одном из тренировочных матчей неожиданно появилась вторая команда поддержки, ни в чём не уступающая прежней.

И чтобы избежать серьёзных разборок и склок, руководство интерната объявило о соревновании между ними за право участвовать в поддержке выездных матчей нашей команды по регби. Домашние же матчи могли украшать обе команды.

Но склок всё-таки избежать не удалось, и вся женская часть интерната поделилась на два непримиримых противоборствующих лагеря. Причём – большая её часть поддерживала именно Ингу – прежнего капитана команды черлидерш – ещё и потому, что сама Стефани постоянно становилась и причиной их ссор с парнями, и причиной ревности многих девчонок интерната, и причиной банальной их зависти.

Не поверите, но я не ревновала к ней и не пыталась вернуть внимание Эшли себе. Мне казалось, что у моего замечательного рыцаря Эшли должна быть именно такая ИДЕАЛЬНАЯ подруга. Я была за них рада...

Но...

Постепенно она всецело завладела ВСЕМ его вниманием и временем.

Мы с ним почти перестали видеться. Да и те редкие встречи, что мне выпадали, вскоре перестали приносить радость. Эшли стал молчалив и мрачен и раздражался на любой мой по-детски наивный вопрос или просьбу. Я не понимала, что происходит...

Как же я скучала по нашим весёлым играм и вечерним посиделкам над моими уроками. По разговорам по душам и ночным побегам в обсерваторию...

Дошло до того, что при случайной встрече Эш делал вид, что меня не заметил или, хмуро кивнув, ссылался на занятость, и сбегал.

Если бы вы знали, как я ждала приезда крёстной, мечтая встретиться с ним без надзора Стефани, в надежде снова увидеть МОЕГО Эшли. Я не собиралась отчитывать его или устраивать сцен, я просто хотела понять – ПОЧЕМУ?

Степан и Кевин, видя как я переживаю из-за перемены в наших отношениях, пытались поговорить с ним и выяснить причину вдруг возникшей у него неприязни.

Но он либо говорил, что всё нормально, и в наших отношениях ничего не изменилось, а я сама себя накручиваю и придумываю то, чего нет. Либо отвечал, что он – в отличие от них – уже повзрослел, и теперь его не привлекают ни наши детские забавы, ни нахальные и приставучие ДЕТИ собственной персоной. Либо, разозлившись, откровенно посылал их с их разговорами по всем известному адресу.

Не знаю почему, но Стефани меня невзлюбила почти сразу. Хотя я искренне пыталась с ней подружиться. Но она, не отвергая моей дружбы, с совершенно невозмутимым видом стала отпускать достаточно невинные, но обидные шуточки в мой адрес, по любому поводу называя меня НАХАЛЬНЫМ РЕБЕНКОМ. Особенно обидно это было слышать в присутствии Эша.

Я сначала молчала, словно не замечая её колкостей, или старательно переводила всё в разряд шутки. Но когда она начала переходить все допустимые грани...

Конечно, я не выдержала и стала отвечать ей, огрызаясь в ответ. Хотя всё было в рамках пусть не приличий, но – до-

пустимого. Но потом она начала откровенно унижать меня в присутствии Эшли. Постоянно критикуя то мои волосы, то фигуру и платье, то осмеивала манеру говорить. Я и не заметила, как превратилась для неё в мальчика для битья...

Даже Степан, изначально считающий, что я и сама неплохо справляюсь, не выдержал и стал заступаться за меня, пытаясь вразумить зарвавшуюся Стефани и открыть Эшу глаза на его пессию. Дошло до того, что они чуть не подрались, поссорившись, и Стёпа, так и не дождавшись от него объяснений, переехал в другую комнату.

Для меня же, в результате, всё стало только хуже...

Как-то, сидя с Амантой за нашим столиком как всегда обедая в школьной столовой, я услышала надо признать мелодичный, но насмешливый и ставший уже ненавистным мне голос Стефани:

– Кто-нибудь нам с Эшем объяснит, что за зверь сегодня запутался в волосах у этого несносного ребёнка? Боже мой, оно ещё шевелится? Нет, похоже, уже сдохло. Я не ошиблась? Это ведь от неё так воняет? Милочка, если ты не в состоянии ухаживать надлежащим образом за своим «вороньим гнездом», я могу порекомендовать тебе своего цирюльника. Конечно, навряд ли он станет с тобой возиться, сбрет всё к чёртовой матери... Но поверь мне, так будет только лучше – тряпочкой протёр, и готово, – капризно верещала подруга моего бывшего друга, повиснув на его руке и гордо демонстрируя всем ложбинку между её уже довольно выда-

ющихся грудей.

Многие невольные зрители прыснули смехом, оценив её шутку, граничившую с издёвкой.

Но Аманта – давно переставшая восторгаться достоинствами этой злобной и лицемерной фурии, потому что её недостатки и пороки сильно перевешивали её благодетели – видя, что я вот-вот готова взорваться, накрыла мою руку своей, даря поддержку и успокаивая.

И хотя благодаря невероятным душевным усилиям я осталась внешне невозмутимой и, молча показав ей средний палец и язык, продолжила обедать, в тот момент мне действительно захотелось побриться налысо. Однако через пару дней, в отместку за унижение, я залила в её косметичку суперклея, а ещё чуть позже – в её роскошные волосы незаметно запустила здорового мадагаскарского таракана. В результате чего её визгом, скачками и ором был сорван урок химии. А я заработала баллы у сверстников, и меня, подмигивая и похлопывая по плечу, стали подбадривать даже старшеклассники...

Так и пошло...

Как бы Стефани не изощрялась, стараясь побольнее ранить моё самолюбие и гордость, мой чёртик никогда не позволял мне оставаться в долгу, требуя отомстить ей всеми доступными мне способами.

Но что я могла?

Я была младше, гораздо худее и значительно ниже ростом.

А у неё было хорошее чувство юмора и жестокий изошрённый ум, что меня просто убивало. Я не могла на равных соперничать с ней, да и не пыталась бы, если бы меня оставили в покое. Но этого не происходило: ни тогда, когда я промолчала, пропустив мимо ушей её колкость; ни тогда, когда я стала избегать её и Эша, стараясь не попадаться им на глаза.

Стефани продолжала меня травить, подкарауливая в самых неожиданных местах. Будь то коридор школы, туалет или душевая – она находила изошрённый способ уколоть меня побольнее.

И тогда я стала отвечать ей её же монетой.

Кроме того – я ведь была не одна, у меня были друзья. Нет, у меня были ОТЛИЧНЫЕ друзья!

Как-то незаметно к моей войне со Стефани присоединились и они.

У Кевина созрел план, и он раздобыл двухкомпонентный и необыкновенно прочный клей. Через несколько дней, во время его дежурство по столовой он нанёс один состав на стул, на котором обычно сидит за обедом СТЕРВОЗНАЯ Стефани. Второй же компонент нужно было распылить на её юбку. Тут на помощь пришла Аманта. Её тётка работала в прачечной интерната, и мы проникли туда без хлопот. Пока Аманта отвлекала болтовнёй тётку вместе со всем персоналом прачечной – ну, скучная и монотонная у них работа, рады были добродушные женщины развеяться и передохнуть, что нам сыграло на руку – я отыскала уже постиранные вещи

Стефани и хорошенько – так качественно! – опрыскала все её юбки.

Следующим же утром, сидя в столовой за завтраком, мы смогли насладиться необыкновенным зрелищем – приклеившейся к стулу Стефани. При этом – приклеилась не только её юбка. Клей был очень хорошим, да и я его не пожалела.

В общем – к бедному стулу приклеилось всё, вплоть до нижнего белья.

На её крики собралась почти вся школа, но никто особо не торопился ей помочь, злорадно наслаждаясь её публичным унижением. Даже Эш не сделал ни одной попытки разогнать зевак.

Я ликовала, но недолго...

Родители Стефани, подключив все свои связи, инициировали внутришкольное расследование, и в наш интернат прибыли самые настоящие сыщики. Поняв, какой клей был использован, и где его можно было достать, они быстро вышли на Кевина. А так как он героически не сдал своих подельников, в наказание и назидание остальным его на год отстранили от учёбы, и я потеряла возможность общаться ещё с одним другом.

Стефани была собой горда...

После этого, в ответ на очередное оскорбление и прилюдную пощёчину из-за того, что я отказалась просить прощения за приклеенную моим другом одежду, не найдя других аргументов, я подставила ей подножку, и она, упав, расква-

сила нос. О, да, я гордилась собой, ведь я смогла отомстить этой гадине за Кевина. Но моя маленькая победа опять была не очень долгой. Потому что через пару дней, подкараулив меня одну, она довольно сильно побила меня в туалете. Я ничего не рассказывала педагогам, я не жаловалась и не «стучала». Но мне было вдвойне обидно от того, что Эшли принял её сторону.

Как он мог?..

Мне казалось – нет, я была уверена – что он должен был всё знать. Кроме того – он часто присутствовал сначала при её нападениях на меня, а потом – когда я стала отвечать – при наших разборках. Но он не только не заступился за меня, а наоборот, стал ей подыгрывать. Теперь, если мы случайно сталкивались в вестибюле или на лестнице, он дёргал меня за волосы или щипал с прищуренными злыми глазами.

– А, ты ещё с нами, Марго? Глаза б мои тебя не видели...

– Так выколи их себе, или тебе помочь?

– Следи за языком, РЕБЕНОК! А то выпорю. Лучше б кому-то родиться немой!

– А кому-то лучше б вовсе не родиться... – парировала я с ложной бравадой.

И, показав средний палец или язык – убегала.

Эти наши бесконечные перепалки всегда заканчивались новым синяком от щипка на моём многострадальном теле.

И вот однажды, после очередного унижения у всех на виду в столовой я, видимо, решив покончить жизнь самоубий-

ством – хотя можно было найти способ гораздо гуманнее и менее болезненный – проходя мимо ЖУТКОЙ Стефани, СОВЕРШЕННО СЛУЧАЙНО вывалила ей на голову макароны с подливой. Мой чёртик аплодировал стоя, выкрикивая «браво» и «бис». Я же приготовилась к скорой и мучительной смерти.

Но...

Макароны так поэтично повисли на её волосах, и она так громко визжала, что я не удержалась и разразилась таким заразительным и бесстрашным смехом, что сама испугалась.

В результате её обступили все, кто был в тот момент в столовой – смеясь и подбадривая меня, они вываливали содержимое своих тарелок ей на голову.

О, да – она насолила многим...

Но что самое странное – Эш за неё НЕ заступился. Он сидел рядом с ней, тихий, и как мне показалось – довольный происходящим. Хотя, возможно, его реакция была вызвана банальным шоком.

Слухи о произошедшем в столовой быстро разнеслись по школе...

Аманта и Стёпа к вечеру выпустили экстренный выпуск школьной стенгазеты, посвящённый этому знаменательному событию.

В результате утром об её унижении знали все. И даже педагоги, проходя мимо неё, прыскали смехом и поднимали над головой растопыренные пальцы, намекая на мои мака-

роны на её голове.

После этого случая, став посмешищем всей школы, Стефани ничего не оставалось, кроме как перевестись в другую.

А я наконец вздохнула с облегчением, но как оказалось – рано.

Потеряв по моей вине предмет своего обожания, Эшли стал ещё яростней вымещать на мне своё раздражение, раскрывая самые тёмные стороны своей натуры. Нет, в присутствии матери, глядя ей в глаза, он был по отношению ко мне рыцарем без страха и упрёка. Но стоило ей отвернуться или оставить нас наедине, как он тут же пребольно щипал меня или исподтишка пинал по ногам. Мог нарочно отпустить ветку, чтобы она хлестнула меня по лицу, или прищемить пальцы дверью. И всё это он проделывал с ангельской улыбкой на обманчиво доброжелательном лице и ЧИСТОСЕРДЕЧНЫМИ извинениями за неуклюжесть...

Я, если честно, начала его побаиваться и сама старалась лишний раз с ним не встречаться. Если же этого избежать не удавалось, то я будила чёртика и вела себя нагло, дерзко отвечая на все его выпады, не показывая страха, а иногда – рискуя быть просто побитой.

Глава 4

Вот и прошёл ещё один год моего пребывания в школе-интернате...

Сегодня мне исполнится шестнадцать лет.

Этой ночью я так и не смогла заснуть. А всё утро, не находя себе места, не могла усидеть на стуле, терзаемая нехорошим предчувствием. То и дело я возвращалась к окну и вглядывалась в машины, паркующиеся или отъезжающие со стоянки. Я ждала тётю Хэлен. И знала, что сегодня что-то должно произойти.

Вот только что?

Моя крёстная не пропустила ни одного моего дня рождения за почти четыре года, проведённые мной в интернате. Всегда устраивала небольшие, но весёлые вечеринки для меня и моих друзей, которые не мог испортить никто: ни Стефани, ни её невыносимый сын. Даже подарки крёстная дарила, почти всегда предугадывая мои желания.

Но сегодня что-то должно измениться, я чувствовала это. Это чувство пробралось мне буквально, под кожу, будоражило и холодило кровь. Если бы я верила в то, что в нашем мире остались крупицы магии, то я бы решила, что во мне просыпается дар предвидения.

Но разве – это всё не сказки?

Наконец я увидела её небольшую, но приметную машину,

ищущую парковочное место. И в нетерпении побежала в вестибюль.

Там с хищным выражением лица и светящимися злостью глазами уже стоят дьявол – Эшли.

За три года вражды с ним я привыкла к нашей постоянной пикировке, не обращая внимания на его угрозы. Если честно, я и сама не понимала: когда и почему перестала их бояться?

Просто не боялась – и всё...

Кстати, из-за его неадекватной реакции на меня они так и не помирились со Степаном, последнее время совсем перестав общаться.

Наверное, если бы не наша старая вражда, я бы заметила, как он вырос и возмужал, превратившись из симпатичного, но угловатого подростка в красивого изящного юношу с породистыми и утончёнными чертами лица. Хотя меня удивляло то, что после бегства Стефани, он так и не обзавёлся новой пассией. А жаль, возможно, тогда бы Эш отстал от меня...

А сейчас, буквально испепеляя меня взглядом, он проговорил:

– Доброе утро, Ма-ар-р-рго, куда торопишься? Смотри, не разбей свой чудный носик, я расстроюсь, если это будет сделано не мною...

В его глазах явно читалась издёвка...

Я смирила его убийственным – как я надеялась – взглядом

и мысленно пнула задремавшего чёртика.

– Утро было бы добрым, если бы ты сегодня не проснулся. Или, хотя бы – сделав мне подарок ко дню рождения – приболел или на худой конец что-нибудь себе сломал... И не портил бы чудесный солнечный день своим недосарказмом.

Он капризно выдвинул нижнюю губу, наиграно-сострадательно разглядывая моё лицо. И протянул руку, пытаясь схватить меня за подбородок.

– О... Ты действительно выглядишь расстроенной. И это в день твоего рождения... Ай-ай-ай, не хорошо-то как получилось, – с поддельным сочувствием просюсюкал он.

Я уклонилась от его руки, шлёпнув по ней ладонью.

– Нет, я не расстроена – я разочарованна. Ты не только сегодня снова проснулся, так ещё не смог придумать ни одной оригинальной или хотя бы новой угрозы. И это, как ты справедливо заметил – в день моего рождения... СКУЧНО...

И показав ему средний палец, я побежала дальше.

Он оскалился и хотел, было, рвануть за мной, чтобы выполнить угрозу, но в этот момент с невозможно счастливой улыбкой в холл вошла его мать.

– Привет, детки! – поприветствовала она нас и наградила самыми искренними объятиями и поцелуями.

Но Эшли всё-таки умудрился пребольно щипнуть меня за плечо.

А я, не стесняясь, снова показала ему средний палец,

спрятав его за спиной тёти Хэлен.

– Маргарет, нам надо поговорить. Прости, Эшли, я не знаю, когда мы закончим, но присутствовать ты не можешь. Я за тобой позже зайду, – остановила она сына, собравшегося, было, идти с нами.

– Хорошо... – буркнул тот и, просверлив меня хмурым взглядом, ушёл.

Мы с крёстной вошли в одну из пустующих аудиторий, и она, осмотревшись, плотно закрыла за нами дверь.

Тётя Хэлен выглядела непривычно взвинченной и неуверенной в себе...

Это начинало меня нервировать ещё больше. Чувство того, что вот прямо сейчас в моей жизни должно что-то измениться, обострилось, поднявшись до критической отметки...

Усадив меня за парту, она встала передо мной на колени, сочувственно вглядываясь в мои глаза.

Господи, да что же случилось?

– Дорогая, у меня для тебя письмо, от мамы, – замямвшись, сказала она.

Моё сердце, остановившись на секунду, рухнуло в пятки.

– Что?.. Как... Как такое возможно?..

Я стиснула готовую разорваться голову руками и не могла никак осмыслить услышанное.

– Она написала его незадолго до своей смерти, и я пообещала ей передать его тебе в день твоего шестнадцатилетия.

Я не читала его и не знаю, что в нём...

И тётя Хэлен втиснула в мои дрожащие руки довольно пухлый конверт.

– Читай, родная, если хочешь, то я выйду.

Я какое-то время тупо пялилась на конверт, потом трясущимися руками очень аккуратно вскрыла его и разложила листы письма на столе. Долго всматриваясь в текст, написанный красивым ровным почерком, я не решалась начать чтение.

– Какого чёрта, чего я боюсь? Мамы уже нет, что может быть хуже? Да ничего...

Но я ошиблась.

«Дорогое дитя, умоляю, прости меня. Я покидаю тебя. Душа моя кровоточит, оставляя тебя в столь юном возрасте, когда нужна тебе так сильно. Но господь решил всё за нас...».

С каждой прочтённой строчкой моё сердце сжималось всё сильнее, а душу сковывал холод. По моему лицу текли непрощенные слёзы. Я всхлипывала, протирая ладонью залитые ими глаза, и продолжала читать.

«На смертном одре я думаю только о том, что не могу покинуть тебя, не будучи уверенной в том, что ты будешь любима, обласкана, не одинока...

...

Твой отец и тётя дали мне клятву, что как только пройдёт время траура, они поженятся, и Кари сделает всё от неё зависящее, чтобы вы оба были счастливы. Прошу: постарай-

ся полюбить её. После потери дочери ты единственное, что связывает её с этим миром...

...

Моё сердце разрывается от осознания того, что я не смогу проводить тебя в первый класс, не увижу выпуск школы, не узнаю о первом твоём поцелуе, не буду сторгать от счастья и гордости, видя тебя у алтаря... Но я надеюсь, что Карри сделает это за меня. Проживёт для вас ту часть моей жизни, которой волею небес я лишена...

Я буквально слышала, как трещали камни стен, воздвигнутых мной вокруг души. Как содрогается фундамент моей неприступной крепости...

Или это меня трясёт от переполняющих душу эмоций и осознания содеянного?

Я была бы счастлива, если бы ты нашла в себе силы однажды назвать её мамой. Она в этом нуждается так же, как и ты.

Прости меня...».

Я была в шоке. Все мои поступки, всё моё поведение, ВСЁ было непростительным. Я вспоминала и слова, сказанные отцу, и обиды, нанесённые мачехе, через призму известного мне теперь и УЖАСАЛАСЬ...

Да, я поступала ужасно, я была такой эгоисткой, что, ужасно боюсь, никогда не смогу смотреть на себя в зеркало без отвращения.

– Господи, бедная тётя Карри, бедный мой папочка... Что я им наговорила, что наделала... Они никогда не простят ме-

ня, ибо нет мне прощения.

Да и как найти в себе силы, чтобы извиниться после всего?

Я рыдала, упиваясь своим ничтожеством. И буквально чувствовала, как из стен моей агонизирующей крепости выпадают огромные булыжники, которые я титаническими усилиями не успевала водрузить на место. Они грозили засыпать, похоронить меня под тяжестью осознания содеянного мной, под ужасающим грузом моей вины..

– Маргарет... Дорогая, что с тобой?

Я и не заметила, когда тётя вернулась. Не знала, долго ли наблюдает за мной.

Тётя Хэлен обняла мои трясущиеся плечи и подала свой носовой платок.

– Позволишь? – спросила она, протягивая руки к скомканным листам бумаги, сжимаемых в моих трясущихся руках.

Я, всхлипнув, судорожно протянула их ей.

Взяв письмо, крёстная бегло прочитала его и забрала свой платок, ставший уже мокрым от моих слёз. Она нервно вытирала слёзы, капающие уже из её глаз.

– Что мне теперь делать? Я всё испортила, да? Какая же я гадина, – рыдала я, прижавшись к её груди и не в силах успокоиться.

– Нет, Марго. Не говори глупостей. Ты – не такая, ты – очень милая и добрая девочка. Ты, многого не зная, сделала свои выводы. Пусть ошибочные... Но ведь у каждого че-

ловека есть право как на выбор своего пути и ошибки, так и на искреннее раскаяние и прощение...

– Я так обидела тётю, я так обидела отца... Они не простят меня... НИКОГДА!!!

– Не бойся, милая, они тебя простят. Просто нужно искренне попросить прощения. Они тебя любят, поверь мне, я знаю. И потом – ты ведь тогда была совсем ещё ребёнком...

Но слёзы всё капали, а тётя успокаивала меня, прижав к своей груди.

И тут словно мой ангел наконец нашёл выход из лабиринта. И я начала успокаиваться, приняв решение: я должна во что бы то ни стало всё исправить – и я исправлю!

В моём сознании спасительным кругом, всплыло воспоминание о словах мачехи, значения которым я тогда не придала: «Маргарет, однажды ты всё поймёшь, ты пожалеешь обо всём сказанном и сделанном. И если не найдёшь в себе силы раскаяться и искренне попросить прощения, то останешься совсем одна. Запомни, дитя: мы с твоим отцом – несмотря ни на что – любим тебя и простим... ПРОСТИМ, запомни это, Маргарет...».

И я ухватилась за это воспоминание и выплыла из готовой поглотить меня пучины отчаяния. Слова тётки Карри всё-таки оказались пророческими. Моя крепость последний раз вздрогнула и рассыпалась, но не ужасным, сокрушающим всё живое обвалом, стремящимся разрушить мою душу, а необыкновенным фейерверком, смесью радужных

мыльных пузырей и разноцветных бабочек, предвестниками счастья и покоя...

Тётя Карри продолжала упорно приезжать ко мне каждую неделю, все четыре года, что я здесь проучилась. Так же, как и крёстная, не пропустив ни одного моего дня рождения. Несмотря на то, что я ни разу не вышла к ней и не взяла ни одного подарка. Если мне повезёт, то сегодня она тоже появится. Нет, я была уверена, что она приедет...

Я ждала её у окна в коридоре второго этажа, вглядываясь в каждую паркующуюся машину. Моё сердце замирало всякий раз, когда у машины открывалась дверь. Эшли пытался меня задеть, но я даже не слышала его издёвок. Наконец его позвала мама, и он ушёл, но и на это я не обратила никакого внимания. То и дело, смотря на часы, я сначала поторапливала время, а теперь я хотела его замедлить. Уже было два часа дня, но тёти Карри всё ещё не было. Я начала отчаиваться...

– Господи, если она сегодня приедет – обещаю называть её мамой! – взмолилась я.

И вдруг я увидел её...

Моё сердце подпрыгнуло в груди. Я встрепенулась и, оттолкнувшись от подоконника, опрометью побежала вниз. Выросший словно из-под земли Эшли подставил мне ногу, но я привычным прыжком преодолела это препятствие без потерь, показала ему язык и встала как вкопанная перед входной дверью. Когда она наконец открылась, я подбежала

к тёте – у неё было странное недоверчивое, но счастливое выражение глаз – и секунду помешкав, обняла её.

Она прижала меня к себе так сильно, что у меня не осталось сомнений.

– Мама, прости меня... – выдохнула я, искренне раскаяваясь, боясь и веря...

– Поехали домой, – поцеловав меня в макушку, прошептала она.

А потом мы долго то плакали, то смеялись, обнявшись, взахлёб рассказывая друг другу всякую ерунду. Наконец слёзы иссякли, МАМА пошла к директору забирать мои документы, а я побежала собирать вещи.

Открыв свой шкаф, я некоторое время размышляла над тем, что же мне взять домой. Наконец, решившись, я начала методично распаковывать все подарки, полученные мной за почти четыре года, всю ни разу даже не померенную одежду, аккуратно складывая всё это в чемоданы.

А из них вдруг начали выпадать конверты...

С письмами отца...

Трясущимися руками я собирала эти листы и, открывая их, читала слова любви и поддержки с просьбами простить его и разрешить приехать...

И тут дверь в мою комнату открылась, и в неё с нахальной усмешкой ввалился ужасный Эшли.

– По школе ползут слухи, что ты нас покидаешь? А как же я? Я буду скучать без своей колючки, – с притворным, как я

догадалась, сожалением сказал он.

И хотя в его глазах была грусть, я ей не поверила и правильно сделала.

– Знаешь, Эшли, эта школа могла бы быть неплохим местом, если бы в ней не было тебя. Я, может быть, даже начну скучать по ней со временем. А вот тебя – просто забуду.

Он подошёл ко мне вплотную, его холодные и колючие глаза уставились в мои.

– Что ты хочешь увидеть? Я не боюсь тебя, Эш! – по привычке жёстко проговорила я.

– Хорошо... – прошептал он. И вдруг, грубо схватив меня и прижав к своему телу, впился жёстким нещадным поцелуем мне в губы.

Я оторопела от этого неожиданного его поступка так, что в первый момент даже не пошевелилась. В этом странном, отчаянном поцелуе я не почувствовала не нежности, ни любви. Поняв это, я не стала сопротивляться, показывая ему, свои эмоции. Я была уверена, что его поцелуй был продиктован желанием в очередной раз меня унижить и растоптать. Поэтому я мужественно выдержала эту пытку. И когда он оторвался от моих губ, продолжала гордо и спокойно смотреть ему прямо в глаза.

Он отстранился. Его глаза почернели от с трудом сдерживаемой злобы.

– Вот теперь ты меня не забудешь.

Я вытерла тыльной стороной руки губы и сплюнула ему

на ботинки.

А он...

Он как-то странно посмотрел на меня, ухмыльнулся и вышел, оставив открытой дверь.

Я осела на своей кровати, сотрясаемая мелкой дрожью.

– Нет. Я больше не заплачу, КЛЯНУСЬ! И слава богу, я его больше НИКОГДА не увижу!

Глава 5

Сегодня утром, распахнув глаза, я вдруг чётко осознала то, что моя жизнь изменится, и изменится она именно сегодня!

Самой не верится, но сегодня мне исполняется АЖ ЦЕЛЫХ СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ...

С того момента, как я покинула школу-интернат прошёл ровно год.

Я учусь в обычной школе, недалеко от дома. И учусь хорошо.

Моя жизнь наконец-то наладилась. Я обожаю маму, боготворю отца, и они мне отвечают тем же. Все наши ссоры забылись, как страшный сон.

Я счастлива!

Да и в школе я на хорошем счёту, у меня много друзей, я учусь искать компромиссы и обходить острые углы. Словно мой чёртик, устав от трудов, наконец взял отпуск...

Вскоре начнётся вечеринка в мою честь. Всю прошедшую неделю – а в особенности сегодняшней суматошный день – мы всей семьёй были заняты приготовлениями к празднику. И вот уже к четырём часам в нашем доме постепенно стали собираться гости...

Это мой первый день рождения, который пройдёт в родных для меня стенах, после перевода из школы-интерната. Я

испытываю такой душевный подъём, что, кажется, могу летать. Я готова осчастливить весь мир. И мир, я чувствую, отвечает мне тем же.

Вот наконец всё готово: столы накрыты, а весь дом утопает в цветах.

Для организации праздника маме пришлось дополнительно нанять двадцать человек обслуживающего персонала и трёх кухарок. А в бальной зале расположился настоящий живой оркестр. Уже сейчас слышно, как музыканты настраивают свои инструменты.

Я так благодарна МАМЕ, что она настояла на том, чтобы пригласить для меня учителя танцев, муштровавшему меня целый месяц. Без его уроков я бы не чувствовала сейчас в себе такой уверенности в своих силах. И готовности танцевать всю ночь.

Я подняла глаза к зеркалу, оттуда, на меня посмотрела аккуратная брюнетка с широко открытыми, слегка испуганными зелёными глазами. Казалось, что эту девушку я не знаю. Мама подарила мне к празднику изумрудное кружевное платье с золотой подкладкой на тонких бретелях, которая переливалась под зеленью кружев, плотно облекая мою неизвестно когда появившуюся фигуру. Создавалось впечатление, что свечение идёт от самой кожи, проглядывающей из-под кружевных цветов, замысловато переплётённых в сказочном танце. Непослушные волосы были аккуратно собраны в элегантный пучок, и только несколько длинных завитых пря-

дей, спадая на плечи, обрамляли моё бледное от предвкушения праздника, лицо. Макияжа совсем не много, но и от этого мои глаза кажутся ещё огромнее, а ресницы – нереально длинными.

Я несколько раз моргнула и сделала губки, покрытые бесцветным блеском, бантиком.

– Боже, что за куколка! Доченька, ты сегодня – просто ангел!

В зеркале, рядом со мной отразился высокий, крепкий, не старый ещё мужчина, с проседью на чёрных – как и мои – волосах. Его открытое родное лицо светилось счастьем.

Я радостно улыбнулась, встретившись с ним взглядами. Было необыкновенно волнительно и приятно увидеть в глубине отцовских глаз гордость...

– Спасибо, папа, но мне кажется, что эта маскировка никого не обманет. Внутри меня – всё тот же чертёнок...

Мы оба рассмеялись, и он поддержал меня, когда я надевала золотые туфли на невозможном каблуке. Маме Карри пришлось потратить целую неделю, чтобы научить меня в них стоять, и потом ещё неделю – ходить. А учитель танцев их просто возненавидел...

Да, совсем забыла рассказать, что отец – наконец вняв моим мольбам и просьбам – подарил мне ЛОШАДЬ!!!

Да, да, самую настоящую, живую лошадь. А не какую-нибудь пони, которых в раннем детстве у меня было в избытке. Эта гнедая строптивица сразу меня приняла, и я всё сво-

бодное время провожу теперь на конюшне. Конная выездка была моим любимыми предметом в школе-интернате, и я ужасно скучала по оставленной там лошадке. Та Ляля, конечно, не была настолько грациозной и породистой, как подаренная мне отцом Зара, но подарила мне столько счастливых минут...

Мы спустились в холл...

Тут уже начали собираться первые гости. Были приглашены все мои нынешние одноклассники и старые друзья из интерната. Придёт и Питер – старший брат моей одноклассницы Памелы, с которой мы сдружились уже здесь, после моего перевода. Я мало его знаю, но Памела умудрилась выбить у меня приглашение для него буквально с боем. Что заставило меня задуматься о том, что, видимо, я ему не просто нравлюсь. Он, наверное, хороший парень, но, как мне кажется – в отличие от его сестры – слишком правильный, и в компании с ним мне обычно скучно.

Родители решили, что этот день рождения должен стать для меня особенным, и я уверена – станет. Я же хочу взять реванш за все днюхи, которые пропустила. И поэтому праздник обещает быть грандиозным.

К половине пятого почти все приглашённые гости были в сборе, превратив наш дом в жужжащий улей. Каждый старался лично поздравить меня и вручить подарок что называется «из рук в руки». Я вначале чувствовала себя несколько скованной и неуверенной – ведь я не привыкла быть в центре

внимания такого количества людей – но невозможно счастливой.

Приехали и Стёпа с Амантой, они сразу огорошили меня известием, что собираются в скором времени пожениться.

А вот Зинка и Итан – ограничились поздравлением и подарком. Но для них – это простительно: Зинка ждёт второго ребёнка. Вот дают!!!

Ну а Кевин запаздывал, и я крутилась у входа, в нетерпении ожидая встречи со старым другом.

И тут – как гром среди ясного неба – появились крёстная и...

ЭШЛИ!

А я, как мне казалось, уже совсем забыла о его существовании.

Я окаменела...

Какого чёрта он явился? Как мне с ним себя вести? А если он снова выкинет какую-нибудь пакость

Кто его пригласил, вообще?

Точно – не я...

Я с ужасом смотрела на них через отражение в зеркале, судорожно решая: «Что же теперь делать?».

Нервно озираясь по сторонам в надежде найти подсказку, которая позволит мне с честью выйти из этого щекотливого положения, я молилась, чтобы они меня не заметили.

Но очень вовремя подал признаки жизни мой внутренний чёртик...

Недалеко от меня, лениво облокотившись о колонну, стоял Питер. Он был младше Эшли на год, но на целую голову выше и вполтину шире его в плечах. И как я подозревала, он был немного в меня влюблён.

План, продиктованный моим отчаянием и решимостью, родился сам собой...

Я взяла Питера под руку, состроила восторженно обожающий взгляд и, встав на цыпочки, прошептала ему на ухо, что прошу пригласить меня на следующий танец.

Питер на это обворожительно улыбнулся, кивнул, а потом – вот не ожидала от него?! – слегка коснулся губами моей щеки.

И тут я сделала вид, что только что заметила Эшли, который к моему удовольствию глазел на нас с Питером, открыв рот и выражая крайнюю степень раздражения. Что, не скрою, меня несказанно порадовало.

Я выдохнув и извинившись перед Питером, нацепила на лицо маску доброжелательности и как можно более непринуждённо подошла к ним. Обняла обоих, одарила самыми ИСКРЕННИМИ поцелуями, похвалила подаренный мне Эшем букет цветов, ВОСХИЩЕННО приняла подарки и, весело щебеча, упорхнула. Правда, чертыхаясь про себя, нервно переводя дыхание и борясь с почти непреодолимым желанием показать Эшли средний палец.

Но его присутствие явно пошло мне на пользу. Меня понесло, вылез мой чертёнок, а ангелу оставалось только на-

блюдать со стороны за его действиями. Я раскрепостилась, повеселела, стала активно шутить – как ни странно, но в тему – много смеялась, комментируя шутки и воспоминания друзей. Я на удивление много танцевала, не боясь показаться неуклюжей. И судя по восхищённым взглядам моего партнёра Питера и громким аплодисментам в нашу сторону, я такой и не была.

Через час наконец появился Кевин, я и не подозревала как сильно по нему соскучилась. Да и он был неподдельно счастлив нашей встрече.

С его приходом всё стало ещё веселей и красочней. Оказалось, что эти закоренелые авантюристы – Аманта, Кевин и Степан – приготовили мне в качестве поздравления, настоящий «капустник». Раздав незамысловатые костюмы и небольшие листочки с текстом их ролей почти всем присутствующим, они устроили настоящее юмористическое шоу в стихах и с музыкальным сопровождением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.